

И ХАБАРОВСКА

ДВА РАЗА в месяц на Чистопрудном бульваре в Москве, выстраивается длинная очередь. Занимают с вечера, стоят всю ночь и, как в любой другой очереди, беспокоятся: достанется или нет. Те, кому не повезло, приходят еще раз. Еще, и не раз, приходят и другие, которые, выстояв очередь, покидают ее с довольными лицами. Ни один уважающий себя москвич, увидев ее длинный извилистый хвост, не спросит: «Что дают?» Первое и шестнадцатого числа каждого месяца в театре «Современник» идет запись на предварительную продажу билетов.

Очень часто по длине очереди определяется популярность театра. «Что ты, там за месяц все билеты проданы...» В «Современнике» есть все признаки популярности: и билеты проданы, и актеры известны, но, говоря о нем, хочется употребить другое слово, более простое и точное — хороший театр.

История этого театра очень любопытна, хотя его прошлое трудно на-

звать, я упустил А. Мягкова, интересного, очень талантливого актера, полезно и много работавшего в театре. Валентина Гафта, пришедшего к нам позже и нашедшего свое место в репертуаре. Молодые актеры составляют четвертую часть. Средний возраст — лет тридцать, немногим больше.

— Какой в театре основной принцип работы с молодежью?

— Вы знаете, я отношусь, наверное, к той категории людей, которые считают, что молодые всегда правы.

— То есть имеется в виду полная творческая свобода?

— Ну, это не только в этом выражается. Молодые правы, потому что за ними будущее. У Гейне, кажется, есть такие слова: что человечество, приобретающая новые идеи, приобретает новые глаза. Имеется в виду каждое столетие. Молодые — это люди, глаза которых глядят вперед. Для меня это, поверьте, не слова. Я не хотел бы много теоретизировать на эту тему. Год тому назад, когда театр набирал ход, когда центральная пресса уделяла «Современнику» непривычно значительное место, будучи, скажем так, успешным актером, я начинаю новое дело. Я смотрю около 4

Вихрев, в прошлом актер нашего театра, на мой взгляд, человек больших литературных способностей, мог написать пьесу, я предложил ему быть сотрудником музея вашего театра. Вот он часть времени отдает музею, а значительную часть пишет пьесу. Вот это в моем понимании помощь.

— А не бывает так, что вам в принципе нравится пьеса, но над ней еще нужно работать. У некоторых авторов есть свой театр, они пишут в расчете на каких-то определенных актеров и дорабатывают в процессе постановки.

— Нет, вы знаете, мне все-таки главным представляется талант. Талант и совершенство. Тем более, что молодых драматургов почти нет.

— Может, это закономерно, ведь в драматургию приходят с чем-то: с прозой, со сборниками стихов. Редко появляется сразу молодой продуктивный драматург, после окончания литинститута, например.

— Для нас стало привычным называть сорокалетних молодыми. Но мне это кажется свидетельством нашего общего инфантилизма. Посмотрите немного назад, лет на сто, когда умирали люди и сколько они успе-

творчески, но шаг за шагом обретает присущую ему сложность. Еще много у нас назывательного, что нельзя называть искусством, а вместе с тем то прекрасное, что оставлено в наследство от Достоевского и Толстого, от Гоголя и Пушкина, диалектика взгляда на человека, сложность воспроизведения, противоречивость, я бы сказал, многомерность человека. Дотошное и мучительно, собственное именно русскому искусству, желание познать. Как говорил Пастернак, «Во всем мне хочется дойти до самой сути: в работе, в поисках пути, в сердечной смуте...» Вот дойти до самой сути — эта тенденция отличает талантливое произведение современной литературы и поэзии от посредственного. Назову таких интересных авторов, как Айтматов, Василий Белов, как вологодский писатель Астафьев, как покойный Вампилов, как Распутин.

— В чем вы видите популярность театра вообще и вашего в частности?

— Думаю, в уважительном отношении к зрителю. Мы ведь театр не модный, а серьезный. Серьезный — это значит уважающий своего зрителя, разговаривающий с этим зрителем в серьезном и уважительном тоне о серьезных проблемах сегодняшнего дня. Мы никогда не ставим спектакли на тему, мы с той или иной степенью успеха всегда пытались ставить проблемные спектакли. Не все совершенны, поверьте мне, но это стремление, мне думается, является чертой, отличающей наш театр от других.

— Какой основной недостаток вы видите в драматическом театре?

— Низкий профессионализм. Вызванный, может быть, отсутствием каких-то критериев актерской работы. Много субъективного. Если артист балета не освоил хотя бы 24 позиции, его не выпускают даже в массовые сцены, а в драматическом театре сплошь и рядом встречаешь людей, иногда не владеющих даже сценической речью.

— Олег Павлович, изменился ли ваш театр после ухода Ефремова? Я имею в виду не лучше — хуже, а стал ли он другим в своем принципе?

— Да, он постепенно становится другим. Он становится шире в своей эстетике, пытается решать задачи несколько иные, более внятного театрального языка, формы. Хотя все это можно отнести и к изменению времени: рост театра вместе с естественным ростом его актеров. Ненужной осталась атмосфера в театре. Поэтому, когда ушел Ефремов, для меня не было проблемы; точнее, проблема была, но не было сомнений: становиться мне директором или не становиться? Меня никто не просил об этом, я стал им просто потому, что нужно было сохранить прежний студийный дух.

— Олег Павлович, традиционный вопрос. Как вы относитесь к кино?

— Спокойно. Очень спокойно.

— Не равнодушно?

— Когда кино бывает талантливым... как к талантливому можно относиться равнодушно?

— Дубли не убивают творчество?

— Профессиональный актер должен уметь все и каждый раз все делать творчески. Иначе это будет напоминать физкультурные упражнения. Если мне, например, нужно проверить себя, я могу сделать зрителем и осветителем, и режиссером. Если сценарий серьезный, талантливый, умный, глубокий, хоть сто дублей снимай со мной — все будет в радость. Но я больше театрал. Я склоняюсь к тому, что работа актера — работа тяжелая, прекрасная, она сродни солдатской службе в своем максимализме. А вместе с этим прекрасна, потому что театр, как ничто другое, способен выражать время. И люди идут в театр и будут идти до тех пор, пока не утратят желание человека соотносить свой жизненный и эмоциональный опыт с жизненным и эмоциональным опытом себе подобных.

Н. ТВЕРДОХЛЕБОВА.

СОВРЕМЕННОСТЬ И „СОВРЕМЕННОСТИК“

звать историей, скорее — биография, поскольку от самого слова «история» веет чем-то древним, торжественным, чуть ли не призывающим к преклонению, а прошлое «Современника» — это люди, которые сейчас играют и ставят спектакли. Это говорит о том, что театр, так интересно возникший, не утратил своего самого ценного — свою душу, и сейчас идет по возрастающей прямой. В будущем году «Современник» отметит свое двадцатилетие.

Мой сегодняшний собеседник — лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный артист РСФСР Олег Табаков, чья биография в одной поворотной точке слилась с биографией театра. С тех пор пошло так: театр «Современник» — это О. Ефремов, Г. Волчек, О. Табаков, Табаков — это один из тех, кто «делал» театр, играл в первом спектакле и впоследствии возглавил театр, став его директором.

— Олег Павлович, расскажите, пожалуйста, коротко о том, что сейчас представляет собой «Современник». Я имею в виду состав труппы.

— В нашем театре есть три поколения актеров: основатели театра — люди, которые вместе с О. Н. Ефремовым начали и придумали — будем так говорить — это дело. Это нынешний главный режиссер Г. В. Волчек, Л. М. Толмачева, И. В. Кваша. Есть актеры, пришедшие чуть позже — Л. И. Иванова, П. И. Шербаков и другие. Есть так называемое среднее поколение — те, кто пришел спустя пять-шесть лет после начала: А. Покровская, Т. Лаврова, Г. Фролов, Л. Миллиотти. И есть совсем молодое поколение, которое было набрано 4—5 лет назад, когда целая группа актеров во главе с Ефремовым перешла во МХАТ. Среди этой молодежи в первую очередь хочется назвать А. Вертинскую, М. Неелову, К. Райкина, Ю. Богатырева, В. Поглазова, С. Сагальского и совсем недавно принятую Лену Кореневу. Вот, пожалуй, и все. Я, разделив всю труппу на возрастные категории, рассказал почти обо всех. Из тех, кого следовало бы на-

звать историей, скорее — биография, поскольку от самого слова «история» веет чем-то древним, торжественным, чуть ли не призывающим к преклонению, а прошлое «Современника» — это люди, которые сейчас играют и ставят спектакли. Это говорит о том, что театр, так интересно возникший, не утратил своего самого ценного — свою душу, и сейчас идет по возрастающей прямой. В будущем году «Современник» отметит свое двадцатилетие.

Мой сегодняшний собеседник — лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный артист РСФСР Олег Табаков, чья биография в одной поворотной точке слилась с биографией театра. С тех пор пошло так: театр «Современник» — это О. Ефремов, Г. Волчек, О. Табаков, Табаков — это один из тех, кто «делал» театр, играл в первом спектакле и впоследствии возглавил театр, став его директором.

— Олег Павлович, расскажите, пожалуйста, коротко о том, что сейчас представляет собой «Современник». Я имею в виду состав труппы.

— В нашем театре есть три поколения актеров: основатели театра — люди, которые вместе с О. Н. Ефремовым начали и придумали — будем так говорить — это дело. Это нынешний главный режиссер Г. В. Волчек, Л. М. Толмачева, И. В. Кваша. Есть актеры, пришедшие чуть позже — Л. И. Иванова, П. И. Шербаков и другие. Есть так называемое среднее поколение — те, кто пришел спустя пять-шесть лет после начала: А. Покровская, Т. Лаврова, Г. Фролов, Л. Миллиотти. И есть совсем молодое поколение, которое было набрано 4—5 лет назад, когда целая группа актеров во главе с Ефремовым перешла во МХАТ. Среди этой молодежи в первую очередь хочется назвать А. Вертинскую, М. Неелову, К. Райкина, Ю. Богатырева, В. Поглазова, С. Сагальского и совсем недавно принятую Лену Кореневу. Вот, пожалуй, и все. Я, разделив всю труппу на возрастные категории, рассказал почти обо всех. Из тех, кого следовало бы на-

звать историей, скорее — биография, поскольку от самого слова «история» веет чем-то древним, торжественным, чуть ли не призывающим к преклонению, а прошлое «Современника» — это люди, которые сейчас играют и ставят спектакли. Это говорит о том, что театр, так интересно возникший, не утратил своего самого ценного — свою душу, и сейчас идет по возрастающей прямой. В будущем году «Современник» отметит свое двадцатилетие.

Мой сегодняшний собеседник — лауреат Государственной премии РСФСР, заслуженный артист РСФСР Олег Табаков, чья биография в одной поворотной точке слилась с биографией театра. С тех пор пошло так: театр «Современник» — это О. Ефремов, Г. Волчек, О. Табаков, Табаков — это один из тех, кто «делал» театр, играл в первом спектакле и впоследствии возглавил театр, став его директором.

— Олег Павлович, расскажите, пожалуйста, коротко о том, что сейчас представляет собой «Современник». Я имею в виду состав труппы.

— В нашем театре есть три поколения актеров: основатели театра — люди, которые вместе с О. Н. Ефремовым начали и придумали — будем так говорить — это дело. Это нынешний главный режиссер Г. В. Волчек, Л. М. Толмачева, И. В. Кваша. Есть актеры, пришедшие чуть позже — Л. И. Иванова, П. И. Шербаков и другие. Есть так называемое среднее поколение — те, кто пришел спустя пять-шесть лет после начала: А. Покровская, Т. Лаврова, Г. Фролов, Л. Миллиотти. И есть совсем молодое поколение, которое было набрано 4—5 лет назад, когда целая группа актеров во главе с Ефремовым перешла во МХАТ. Среди этой молодежи в первую очередь хочется назвать А. Вертинскую, М. Неелову, К. Райкина, Ю. Богатырева, В. Поглазова, С. Сагальского и совсем недавно принятую Лену Кореневу. Вот, пожалуй, и все. Я, разделив всю труппу на возрастные категории, рассказал почти обо всех. Из тех, кого следовало бы на-

звали сделать к тому времени. Мне думается, если у нас будет все хорошо, и мы сможем открыть малую сцену в нашем театре, она станет лабораторным местом для работы.

— Как вы относитесь к публицистике на сцене?

— Я отношусь к этому естественно. В нашем репертуаре есть спектакль «Погода на завтра». Пьеса о проблемах роста гигантского современного предприятия. Публицистика как жанр, как способ выражения жизни человеческой имеет полное право на существование.

Другое дело — какого качества публицистика. Посмотрите, какую часть занимают пьесы на производственную тему в репертуаре театров. Радоваться бы надо — насущные проблемы, а посмотрите спектакли разом, такое впечатление создается, что каждый новый вроде как продолжение предыдущего, настолько герои одинаково схематичны. Какая разница, где происходит действие. На том же заводе достаточно конфликтов и различных сложностей в отношениях, но ведь их нужно исследовать, а не перечислять. И пока герои не приобретут психологическую глубину, эти пьесы будут лишь явлением переходящим. Можно по пальцам перечислить интересные спектакли на эту тему. И то большинство из них за счет постановки и актерской подачи. Поэтому увлечение публицистикой такой, какая она есть, мне думается, уже прошло. Сейчас искусство медленно, очень трудно, про-